

Глава 28. Акклиматизация

Чжэн Шаньцы похолодел от дурного предчувствия. Позабыв обо всём, он стремительно направился в спальню.

— За врачом уже послали?

Цзинь Юнь поспевал за ним следом:

— Да, молодой господин Чжэн. Похоже, у молодого господина Юя тяжёлая акклиматизация.

Шаньцы вошёл в покои. Слуги уже принесли тазы с водой и осторожно обтирали руки Юй Ланьи, стараясь сбить жар. У стола сидел лекарь — мужчина средних лет, сосредоточенно записывающий рецепт.

Это был лекарь из «Зала Успокоения Духа», которого стражники спешно привели к супругу начальника уезда. Едва коснувшись запястья больного, он понял: это обычный недуг от непереносимости местной воды и почвы, хотя столь серьёзного случая ему встречать ещё не приходилось.

— Принимайте это снадобье три дня. Если к тому времени не полегчает, я приду снова, чтобы ещё раз проверить пульс.

Цзинь Юнь принял бумагу с рецептом и поклонился.

Обычно на привыкание к новому месту уходит от трёх до семи дней. Если через три дня снадобье не подействует, лекарю придётся менять состав трав и искать иной подход.

Юй Ланьи лежал на кровати, обессиленный и бледный; дыхание его было тяжёлым, на щеках горел лихорадочный румянец, а на лбу лежал влажный платок. На тонких запястьях, выглядывавших из-под одеяла, проступила густая красная сыпь — зрелище было пугающим.

Заметив вошедшего мужа, Ланьи попытался спрятать руки и даже отвернулся к стене, желая скрыть лицо.

Он ведь только собрался найти в Синьфэне приличный трактир, чтобы пообедать, но не успел сделать и заказа, как Цзинь Юнь заметил красные пятна. Увидев сыпь на коже, Ланьи мгновенно позабыл о еде и в панике бросился домой, велел немедленно звать врача.

Шаньцы подошёл ближе:

— Доктор, что с моим супругом?

— Ничего страшного, — лекарь Сун посмотрел на нового начальника и мягко ответил: — Просто тело не принимает местную воду. Пусть выпьет несколько порций отвара, а там посмотрим.

— На что стоит обратить внимание в еде?

Он спрашивал с таким беспокойством, что лекарь невольно удивился. Поглаживая бороду, Сун наставительно произнёс:

— Сейчас ему лучше избегать жирной пищи. Только лёгкое, постное — лучше всего подойдёт жидкая рисовая каша. Местные кушанья в Синьфэне могут быть ему в тягость, так что приучать его к ним нужно постепенно. Нельзя набрасываться на всё сразу, иначе тело взбунтуется.

— Почему поднялся жар? Насколько это опасно? — это тревожило Шаньцы больше всего.

— Лихорадка слабая. Снадобье и тепло сделают своё дело, — видя, как сурово нахмурился молодой господин Чжэн, лекарь добавил: — Судя по пульсу, супруг начальника уезда в юности укреплял своё тело упражнениями. Основа у него крепкая, справится.

— Я запомню. Благодарю вас, мастер. Позвольте узнать ваше имя?

Шаньцы видел, что перед ним опытный и рассудительный человек. Слишком молодые врачи часто вызывали у него недоверие.

— Моя фамилия Сун. Не стоит благодарности, чиновник Чжэн.

Шаньцы жестом велел Ван Фу проводить лекаря до дверей.

Отослав слуг, он сам взялся за полотенце. Осторожно выжав платок, Чжэн сменил его на лбу Ланьи, а затем бережно протёр его ладони.

— Как ты себя чувствуешь? — негромко спросил он.

— Совсем нет сил, — прошептал Ланьи.

Он по-прежнему старался не смотреть на мужа, пряча лицо.

— Нужно обтереть не только запястья, — Чжэн поправил одеяло и, заметив красные точки на

белоснежной шее супруга, почувствовал, как сердце предательски сжалось. — Позже я позову Цзинь Юня, чтобы он тебе помог.

В его душе всё перевернулось — он понимал, как тяжело сейчас приходится Ланьи.

— Ты ведь так и не пообедал. Чего бы тебе хотелось?

Услышав вопрос, Ланьи вдруг понял, что и впрямь проголодался.

— Хочу каши с морепродуктами...

Он помнил наставления врача: никакой жирной еды. Сыпь на теле доставляла ему больше мучений, чем слабость. Он был уверен, что Шаньцы всё заметил, и в смущении натянул одеяло до самого носа.

— Не прячься, — раздался голос Шаньцы. — От этого сыпи станет только больше.

Ланьи пришлось опустить одеяло. Глядя на мужа влажными глазами, он спросил:

— Тебе не кажется, что я уродлив? Если так — не смотри.

— Вовсе нет. У каждого может выскочить сыпь. Мне лишь совестно, что я привёз тебя сюда.

Ланьи замер, не сводя глаз с мужа. Прохладная ладонь Шаньцы легла ему на макушку, осторожно погладив по волосам. Гэ'эр мгновенно вспыхнул.

«От таких поглаживаний можно и не вырасти», — мелькнула в голове нелепая мысль.

Шаньцы убрал руку:

— Я велю купить тебе каши с морепродуктами.

Ланьи лишь кротко кивнул.

Когда муж вышел и в комнате не осталось слуг, Ланьи прижал ладони к щекам. Кожа была горячей. Почувствовав, что силы понемногу возвращаются, он даже радостно дрыгнул ногами под одеялом.

«Надо было сказать: „Дерзкий! Как ты смеешь трогать мою голову!“»

Он подумал об этом и невольно улыбнулся.

Цзинь Юнь забрал лекарство и велел слугам на кухне немедленно готовить отвар. Сердце его было не на месте, поэтому он вернулся в покои так быстро, как только смог. Дверь была закрыта, и он осторожно постучал.

— Входи, — голос Ланьи снова стал слабым.

— Молодой господин, отвар скоро будет готов. Как вы? — с тревогой спросил слуга.

Юй Ланьи, видя, что это Цзинь Юнь, перестал притворяться:

— Получше. Проголодался только, но Шаньцы уже послал за кашей.

— С господином Чжэном мне как-то спокойнее. Я только за лекарем сбегал, хотел и господина искать, а он уже тут как тут, — Цзинь Юнь понизил голос: — Я вот что подумал... Раз он так рано вернулся с пира, значит, там и впрямь всё было чинно, без всяких глупостей.

Ланьи одобрительно глянул на него:

— И когда ты стал таким проникательным? Сразу видно — мой человек.

Слуга польщённо ухмыльнулся:

— Всё, что касается вас, молодой господин, для меня важнее всего.

На кухне знали, что господин Чжэн ушёл на банкет, поэтому заранее приготовили отрезвляющий суп. Когда он вернулся с кашей, слуга тут же поднёс ему чашу.

— Чиновник Чжэн, вот ваш суп.

Чжэн выпил немного, хотя и не чувствовал хмеля. Он постучал в дверь спальни и вошёл. В комнате тускло мерцали свечи, окна были плотно закрыты, и внутри стояла духота. Цзинь Юнь, завидев хозяина, понимающе поклонился и вышел.

Шаньцы поставил кашу на стол, помог Ланьи сесть и заботливо подложил ему под спину

подушки. Обустроив супруга, он взял чашу.

— Я сам тебя покормлю.

Ланьи попытался поднять руку, но, почувствовав слабость в запястье, не стал спорить. Он послушно открывал рот, принимая еду из рук мужа. Когда чаша опустела, Ланьи почувствовал себя гораздо лучше.

— Шаньцы... на том пиру... над тобой не издевались?

Гэ'эр заметно оживился.

— Всё в порядке. Обычная встреча, никаких ссор в первый же день.

Шаньцы поднялся:

— Отдыхай. Я пойду переоденусь и умоюсь, а то от одежды спиртным пахнет. Я ведь обещал, что тебе не придётся это терпеть.

Ланьи откинулся на подушку, удивлённый тем, что муж помнит о таких мелочах.

Шаньцы и впрямь не на шутку перепугался. В прежние времена лихорадка могла легко свести человека в могилу. Случись что с Ланьи — и он не знал бы, как жить дальше. Он тревожился не из-за того, что придётся отвечать перед семьёй маркиза, а по-настоящему, всем сердцем боялся за этого гэ'эра.

Он всё ещё не мог окончательно успокоиться. Прежде чем идти к шкафу за чистым бельём, Шаньцы снова коснулся ладонью лба Ланьи, проверяя температуру.

Ланьи замер, глядя мужу в спину, и непроизвольно коснулся своего лба.

«Неужели Шаньцы до сих пор так сильно переживает?»

Приветственный пир, устроенный помощником начальника уезда Ци, обернулся триумфом для Шаньцы. Весь уезд заговорил о том, как ловко новый начальник приструнил местных богачей. Никто не ожидал от молодого учёного такой твёрдости.

При мысли о том, как Шаньцы заставил главу Ся осушить несколько кувшинов вина подряд, у Ци по спине пробежал холодок. Станет ли такой человек делиться властью? Позволит ли он

вертеть собой? Все дерзкие планы Ци теперь казались не более чем отражением луны в воде.

Глава рода Ци видел мрачное лицо родственника, но молчал. Семья приложила немало усилий, чтобы их родич стал некоронованным королём Синьфэна, но теперь... Всё, что бы он ни сказал, могло оказаться ошибкой. Лучше было поскорее признать очевидное.

Глава семьи Чэн вернулся домой поздно. Супруга потянулась было снять с него плащ, но он остановил её жестом:

— Сначала пойду к отцу.

— Господин, на кухне готов отрезвляющий суп...

Голос её затих в пустоте коридора. Госпожа Чэн аккуратно сложила плащ мужа. Она уловила тонкий аромат чужих благовоний и румян, но лицо её осталось бесстрастным.

— Пусть сегодня господин почивает в покоях его новой наложницы, — велела она служанке.

Глава Чэн ещё не знал об этой маленькой женской мести. Он предупредил отца о банкете заранее, поэтому, вернувшись из павильона, сразу отправился с докладом.

— Отец, новый начальник уезда, господин Чжэн... у него непростой характер. Он очень твёрд, — почтительно произнёс он.

Возле старого Чэн Жу сидели две милovidные служанки, массируя ему колени. Он приоткрыл глаза:

— Судя по твоему голосу, этот Чжэн заставил вас попотеть?

Сын в подробностях пересказал события вечера. Чэн Жу вздохнул:

— И слава богу. Похоже, нам достался достойный чиновник. Он и повод отступить вам дал, и припугнул как следует — видно, что в делах управления он не новичок. В конце концов, он глава уезда, и вам всем придётся ходить под ним. Будьте осмотрительны, не давайте ему повода вцепиться в ваши грехи. Ступай.

Глава Чэн склонился в поклоне и уже собирался идти к жене, когда слуга шепнул ему на ухо:

— Господин, наложница Бай ждёт вас. Супруга велела вам идти к ней.

Эта Бай была родом из весёлых кварталов, и её гибкий стан и умение убажывать мужчину всё ещё кружили голову главе Чэну. Услышав это, он довольно улыбнулся.

— Моя супруга поистине добродетельна. Счастье иметь такую жену.

И он с радостью отправился в объятия наложницы. Наличие нескольких жён было делом обычным, а вот этот Чжэн, строивший из себя на пиру праведника, вызывал у него лишь недоумение.

На следующее утро Шаньцы проснулся ни свет ни заря. Первым делом он коснулся лба Ланьи. Ночью лихорадка ещё немного держалась, и он просыпался несколько раз, чтобы проверить супруга. Теперь же кожа была прохладной — жар наконец спал.

Молодой человек облегчённо выдохнул. Стараясь не шуметь, он быстро позавтракал и отправился в управу.

Едва он переступил порог, как стражники дружно вытянулись в струнку:

— Чиновник Чжэн, доброго утра!

Шаньцы кивнул. Стало ясно, что ночные события не остались тайной. Вчерашний урок принёс свои плоды.

Ван Фу, как обычно, следовал за ним по пятам. Его умение владеть мечом было лучшей гарантией безопасности.

Помощник начальника уезда Ци уже ждал в управе. Позади него выстроились писцы, стражники и мелкие чиновники — строго по рангу.

— Чиновник Чжэн, вот реестр всех служащих управы и их обязанности. Если вам кто-то понадобится — просто назовите имя, и он выйдет вперёд.

Сегодня Ци держался куда скромнее, чем накануне. Закончив доклад, он почтительно склонил голову, ожидая распоряжений. Чжэн Шаньцы взял свиток, и подчинённые по очереди засвидетельствовали своё почтение.

Он понимал, что пора сказать веское слово:

— Ныне я принял бразды правления Синьфэном. Надеюсь, что мы с вами будем трудиться в

согласии и единодушии на благо этого края. Тех, кто проявит радение, я не обделю милостью; но тех, кто вздумает лукавить или чинить произвол, ждёт суровая кара.

— Мы всё поняли, чиновник Чжэн! — хором ответили чиновники.

Шаньцы кивнул и вызвал одного человека:

— Регистратор Цзян.

— Я здесь, господин!

— Составь и расклей по всему городу указы. Пусть люди знают: я вступил в должность и с сегодняшнего дня готов рассматривать их прошения и жалобы.

Цзян поспешно поклонился:

— Будет исполнено немедленно.

Назначение нового главы всегда сопровождалось подобным объявлением — так народ узнавал, что власть сменилась и теперь со всеми нуждами следует идти к официальному чиновнику, а не к помощнику Ци. Тот на миг помрачнел, но не проронил ни слова.

— Кроме того, — продолжал Шаньцы, — господин Ци долгое время замещал главу уезда и немало потрудился. Я глубоко признателен ему за это и считаю за честь работать с таким опытным человеком.

Ци уже открыл было рот, чтобы вежливо отказаться от похвал, но Чжэн тут же добавил:

— Раз уж я принял дела, помощник Ци, будьте добры, доставьте все документы в мой кабинет.

Тому ничего не оставалось, как стиснуть зубы и кивнуть.

— Теперь свободны. Ступайте к своим делам.

Шаньцы вошёл в свой кабинет. Просторный стол, на стене — классический свиток с пейзажем, место для приёма просителей и маленькая дверь, ведущая в каморку для отдыха. Там стояла кровать и всё необходимое, если чиновнику приходилось задерживаться до глубокой ночи.

Ван Фу был поражён: он опасался, что столичный учёный не сладит с местными волками, но хозяин держался так уверенно, будто провёл на службе не один десяток лет.

Чжэн сел в кресло. Вскоре в дверь постучали — это пришёл писец с охапкой бумаг, которые собрал помощник Ци.

— Входи.

Ци вошёл с дежурной улыбкой:

— Чиновник Чжэн, вот текущие дела. Коечто из распоряжений этого месяца ещё не исполнено.

— Понятно. Господин Ци, не подскажете ли, где хранятся летописи нашего уезда?

Ци не скрыл удивления:

— Летописи и архивы находятся в одном хранилище. Если господину угодно, я велю немедленно принести их сюда.

— Буду признателен.

Когда Ци вышел, Шаньцы остался в кабинете один. Он облегчённо выдохнул. Первый рабочий день — это всегда испытание. Чтобы не терять времени, он углубился в бумаги.

Реестры налогов, данные о пашнях, списки населения, отчёты о водном хозяйстве — ему принесли всё. Шаньцы начал с учёта жителей. В Синьфэне проживало около сорока тысяч душ — для северо-западных земель это был крепкий средний уезд. Он просмотрел прошлогодние налоговые ведомости. Основной доход управы составлял налог на зерно, поэтому предстоящая жатва была делом первостепенной важности.

По указу двора в каждом уезде должны были строиться общественные амбары — «Тайцан», где хранились запасы зерна на случай нужды. Дел было невпроворот, но Шаньцы решил первым делом разобраться с налогами и землёй, чтобы быть готовым к осени.

Регистратор Цзян, довольный собой, попивал чай. После службы он решил заглянуть на рынок — присмотреть хорошую удочку и потренироваться в собственном пруду. Раз уж он обещал «состязание», нельзя было ударить в грязь лицом перед начальником.

Новый глава и впрямь оказался хватким — с ходу указал Ци на его место. Цзян в душе ликовал, но вида не подавал: срок службы Чжэна — всего три года, а Ци останется в Синьфэне навсегда.

Едва стражники расклеили указы, как вокруг них собралась толпа. Грамотные люди громко

читали текст вслух — народ всегда живо интересовался переменами в управе.

— Новый начальник прибыл! — разнеслось по площади.

— Наконец-то!

— Я вчера видел их у ворот, — оживлённо заговорила одна тётушка. — Помощник Ци, регистратор Цзян и дяньши Чжу шли позади молодой пары. Верно, это и был новый глава.

— И я видел! Красавец собой, а супруг его — видать, из очень знатных. Кожа белая, лицо холёное — в нашем краю таких не встретишь.

Простые люди жадно ловили каждое слово, расспрашивая очевидцев о внешности новых хозяев управы. Так весь Синьфэн узнал, что ими теперь правит молодой и статный учёный.

Стражник принёс стопку старых летописей.

— Оставь на столе, — распорядился Шаньцы.

— Будет сделано, чиновник Чжэн.

Молодой человек потёр переносицу и принялся выписывать важные моменты на отдельный лист. Отложив пока налоговые ведомости, он углубился в историю края. Он не читал всё подряд, а сравнил самые ранние записи с последними отчётами, чтобы понять, как менялся ландшафт и обычаи Синьфэна.

Когда он закончил с первой частью, Ван Фу напомнил:

— Господин, уже полдень. Пора обедать.

Шаньцы поднялся и направился в общую столовую. Обычно главы уезда велели приносить еду в кабинет, но он решил пойти сам. Повар при его виде так и засиял — обычно все ели одно и то же, но начальству полагалось «особое меню», если те просили заранее.

Шаньцы с любопытством огляделся — это напомнило ему обеды в прежние времена. Выбор был неплох: он взял тушёную свинину с хрустящей корочкой, жареную утиную кровь, побеги бамбука и чашку овощного супа. Повар, желая выслужиться, наложил ему полные тарелки, а рис насыпал с горкой. Дяньши Чжу, обедавший неподалеку, усмехнулся: видать, старый кулинар решил скормить начальнику всё, что было на кухне.

— Довольно, я столько не съем, — с улыбкой остановил его Шаньцы.

Он сел за отдельный стол и предложил Ван Фу тоже подкрепиться. Тот кивнул и отправился за своей порцией. Еда оказалась островатой и солоноватой, но Шаньцы любил насыщенные вкусы, так что обед пришёлся ему по душе. Допивая суп, он невольно подумал о Ланьи. На отдых полагалось полчаса, и он решил заглянуть домой — на сердце всё ещё было беспокойно.

Юй Ланьи проснулся поздно. Шаньцы ушёл в управу на рассвете, стараясь не шуметь, и слуги тоже не смели его тревожить. Он проспал лишних два часа и только после этого велел подавать воду для умывания.

Проснувшись, Ланьи почувствовал себя куда бодрее. Лихорадка ушла, и в теле появилась былая лёгкость.

— Шаньцы уже в управе? — спросил он во время позднего завтрака.

— Господин ушёл давно, — ответил Цзинь Юнь. — Велел вас не будить.

Ланьи стало тепло на душе. Вчера, когда его бил озноб и всё тело покрылось сыпью, он по-настоящему испугался. Но едва Шаньцы оказался рядом, страх отступил. Он вспомнил, как дома во время болезней все тоже хлопотали вокруг него, и на миг загрустил о родных. Как они там — папа, отец, старший брат?

Ланьи тряхнул головой, отгоняя печальные мысли.

— Хочу выйти в город.

— Молодой господин, вы ещё слабы! — всполошился слуга. — Лучше полежите в постели.

— Есть у меня силы! Вчера весь день провалялся, кости затекли. Прогулка мне только на пользу пойдёт, глядишь, и настроение поднимется.

Цзинь Юню пришлось уступить. Он накинул на плечи хозяина плащ и кликнул крепких слуг для охраны.

На улицах было многолюдно. Одежды прохожих были простыми, не чета столичным шелкам, но жизнь здесь кипела. Торговцы с коромыслами выкрикивали названия своих товаров:

— Свежие цыба! Сладкие, тягучие цыба!

— Сушёный тофу! Своя закваска!

Ланьи захотелось рисовых лепёшек, и он послал слугу купить порцию. Лепёшки-цыба оказались вкусными, но им не хватало густого сиропа из коричневого сахара.

— Цзинь Юнь, передай повару: вечером хочу цыба с тростниковым сахаром.

— Слушаюсь, молодой господин.

Вскоре Ланьи приметил лавку с диковинными вещицами. Он присел, разглядывая товар. Его внимание привлекла резная фигурка из дерева. Торговец, видя богатый наряд гостя, тут же засуетился:

— Господин, взгляните! Чудесная работа, в доме будет смотреться великолепно. Настоящий товар из Западного края!

Слуга посмотрел на него с нескрываемым скепсисом. Ланьи отложил фигурку и гневно сверкнул глазами:

— Ты за дурака меня держишь? Это — из Западного края?!

Торговец осёкся. Кто-то рядом негромко рассмеялся.

Ланьи обернулся и увидел гэ'эра с тремя шпильками в причёске — видать, уже замужний. Тот вежливо поклонился, в его глазах читалось извинение. Облик незнакомца был необычен: мягкие черты лица и глаза цвета изумруда.

Ланьи выпрямился и с любопытством уставился на него:

— Ты из иноземцев?

— В моём роду была кровь западных племён, — пояснил Гэ'эр Сюй. — Поэтому глаза у меня такие. А торговец этот... он увидел, что вы статны, богато одеты и не здешний — вот и решил обмануть. Я хотел предостеречь, но вижу, вы и сами не промах.

«Неужто я так непохож на местного?»

Гэ'эр Сюй медленно покачал головой. Он знал в лицо всех детей из знатных семей уезда, но Ланьи видел впервые. Вчера он слышал от отца, что прибыл новый глава с супругом, и догадался, кто перед ним.

Юй Лань ввдруг почувствовал себя неуютно, словно за ним кто-то наблюдает.

— Цзинь Юнь, возвращаемся.

<http://bllate.org/book/15809/1432704>